

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х85

Katherine Howe

THE DAUGHTERS OF TEMPERANCE HOBBS

Copyright © 2019 by Katherine Howe

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Хоу, Кэтрин.
Х85 Дочери Темперанс Хоббс / Кэтрин Хоу ; [перевод с английского Ю. А. Михайловой-Сдобновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-111775-7

Конни Гудвин — эксперт по разрушенному колдовством прошлому Америки. Молодой профессор из Бостона, она построила успешную карьеру, изучая историю магии и разоблачая угрозы общества в отношении тех, кто владел искусством чародейства.

Конни — прямой потомок женщины, которую судили как ведьму в Салеме. Что, если ее способности были намного опаснее, чем то известно исторической летописи? И что за тайна скрыта за смертельным проклятием всего ее рода?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Михайлова-Сдобнова Ю.А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111775-7

Посвящается Луису

Часть I
АЕТИТЕ¹

Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом.

Руфь 1:16

Русский синодальный перевод

Диавол уподобил нас неистовому морю. И ныне гнилость, сокрытая в душах людских, предстает пред всеобщим взором подобно тине, что могучие волны вздымают со дна морского.

Коттон Мэзер,

«Чудеса незримого мира»², 1693 г.

¹ Aetite (от лат. — орлиный камень) — полый светло-коричневый камень этита, который женщины использовали в качестве амулета во время беременности и родов.

² «The wonders of the invisible world», Cotton Mather.

Пролог

*Истторп
Эссекс. Англия
Сретение Господне
1661*

Внезапно в щеку Ливви Хасселтайн влетел крупный комок, и по всему ее лицу растеклась отвратительная слизкая жижа. Бедняжка выронила корзину и кинулась наутек, продолжая ощущать тошнотворный привкус сырой земли, смешанной с овечьим навозом.

— Убирайся! — прокричал ей вслед один из мальчишек, в то время как его товарищи, словно свора озлобленных псов, бросились в погоню за жертвой.

Девчушка стремительно неслась прочь, а позади, точно крылышки напуганной пташки, трепетал подол ее плаща. Когда мимо уха пронесся еще один грязевой ком, Ливви ссутулилась, безнадежно мечтая превратиться в крошечную и незаметную.

Дощатые заборы и массивные каменные хлева плотно жались друг к дружке по обе стороны дороги. Промозглый, характерный для поздней зимы туман настолько сгустился, что Ливви не могла разглядеть за изгородами практически ничегошеньки — лишь слышала тихое ласковое мычание коров, хруст пережевываемой ими травы да изредка бычий рев.

Ливви задрала подол юбки до колен и помчалась, громко стуча каблуками по покрывшимся тонкой ледя-

ной корочкой лужам. Свернув налево, беглянка увидела дыру в заборе и нырнула туда в надежде, что не ошиблась. Девочка протиснулась меж тесно скучившихся от холода кудрявых овец, которые легонько похлопывали по ее коже мягкими подвижными ушами, и соскользнула вниз по влажному земляному пригорку. Чепец слетел с головы Ливви, словно его сорвали незримые пальцы, и на глаза ей упала светло-каштановая челка. Бедолага обернулась и взгляделась в плотную серовато-белую пелену, опустившуюся на деревушку Истторп — этот гнусный уголок земли, где ей не было совершенно никакого житья. Интересно, сколько их? Силуэты троих мальчишек обретали все более четкие очертания. Ливви уже слышала тяжелое дыхание нагоняющих и их ритмичный топот.

— Эй ты, дьявольское отродье! Проваливай, а то не поздоровится!

— Куда она побежала?

— Туда!

— Вон она! Вижу!

Очередной ком грязи пронесся сквозь туман и, не долетев двух метров до Ливви, шмякнулся на землю. Девочка побежала еще быстрее. Ее шерстяные чулки сползли уже до самых колен.

Ливви совсем запыхалась, а щеки ее залились ярко-алой краской, ведь спастись от погони малышке приходилось нечасто. Хасселтайн редко покидала свой временный дом. Она предпочитала сидеть у теплого камина, вороша кочергой догорающие угольки, либо помогать хозяйке с уборкой или шелушением гороха. Вот и появляться на людях сегодня было огромнейшей ошибкой. Ливви была слабенькой девочкой, и ей ничего не стоило подхватить хворь. Кожа бедняжки разгорячилась и покрылась испариной. Ливви, как никогда, мечтала очутиться на душном спокойном чердаке, улечься на соломенный тюфяк в обнимку с псом и наблюдать за

безмятежным сном четвероногого друга, ощущая под ладонью биение его маленького сердечка. Оказаться бы сейчас в безопасности, под крышей дома, вдали от посторонних глаз.

Глаза Ливви намокли, но не от слез, а от налипшей на ресницы грязи. Плакать девочка даже не собиралась.

— Мы поймаем тебя, малявка! — выкрикнул один из преследователей, и овцы тревожно заблеяли, испугавшись громкого мальчишечьего хохота.

Шерстяное платье девочки пропиталось потом, отчего потемнело в подмышках и на спине, а ее рваная челка прилипла к взмокшему лбу. Сквозь белую пелену беглянке удавалось лишь отличать коричневые хозяйственные уголья от зеленых, усеянных овцами и пузатыми бодающимися друг с дружкой козами.

Туман рассеивался перед глазами и стучался позади, словно во сне. Ступни Ливви не касались земли, а мокрые земляные комья приземлялись где-то далеко позади. Бедняжка Хасселтайн тяжело дышала и вглядывалась во мглу. Вскоре девочка увидела полдюжины овец. Кучерявые животные спешно разбрелись по сторонам, подобно кругам на воде, освободив беглянке путь. Звуки погони упорно не затихали.

Впереди замаячил силуэт, напоминающий очертания дома. Перед ним выстроился ряд деревьев. Ливви буквально раздвигала локтями туманные стены, порывисто выдыхая и проталкиваясь вперед что было мочи. Деревья были старыми, могучими и казались девочке незнакомыми. В голове юной Хасселтайн промелькнула мысль, что маменька бы пожурила ее за это незнание, но спустя несколько мгновений она поняла: «Нет! Я знаю, что это. Это же ясени! Я — молодец». Ливви юркнула за необъятный ствол векового дерева, сплошь утыканного старыми сучьями, массивные ветви его свисали чуть ли не до самой земли. Девочка вжалась в ясени, изо всех сил стараясь слиться с корой. Грудь бедняжки продолжала

высоко вздыматься. Чтобы не издавать шума, Ливви задержала дыхание, и ее ноздри раздулись.

— Куда она запропастилась?

— Смотрите! Следы!

Далеко ли они? Судя по голосам, совсем близко. Артерия на шее девочки бешено пульсировала. Под пальцами крошилась отсыревшая кора древнего ясеня.

— Бежим туда!

Ливви слушала шаркающие шаги преследователей и бесчисленные проклятия с ругательствами, которыми они сыпали в ее адрес.

Ворчание и шмыгающие звуки утираемых рукавами носов стихли, и трое мальчишек, чьих имен Хасселтайн не знала, сбежали с небольшого пригорка, а затем перепрыгнули через каменистый ручеек, что прорезал дно долины, — сперва один, затем второй и, наконец, третий. Ливви продолжала стоять затаившись.

Преследователи не переставали звать девочку, зачерпывать горсти земли с мелкими камешками и запускать их в беспроглядную мглу — туда, куда, по их мнению, побежала Ливви. Мальчишки устремились вдоль ручья и слегка отделились.

Ливви приподняла подол юбки и на цыпочках заторопилась в сторону смутных очертаний каменных стен, витражей и заостренной крыши. Достигнув того места, куда падала тень здания, девочка с удивлением обнаружила, что это был вовсе не обычный сельский дом, а церковь. Один из торцов здания венчал не слишком выдающийся шпиль, а мрачные узкие окна имели стрельчатую форму, характерную для готической архитектуры.

«Собор Пресвятой Девы Марии».

Маменька предостерегала Ливви, что ей следовало держаться подальше от всего папистского.

— Нет, здесь девки нет, — прокричал вдали мальчишечий голос.

— Вернемся! — предложил один из задир.

Девчушка тихонько подкралась к тяжелой дубовой двери с монументальной железной задвижкой и петлями и надавила на нее плечом. Та со скрипом отворилась. Скользя внутрь, беглянка заперлась и наконец очутилась в относительной безопасности.

В соборе было темно, сыро и довольно прохладно. Трясаясь от холода, Ливви скрестила руки на груди и последовала вглубь мрачного зала. Свечи, установленные на кованом алтарном подсвечнике, отбрасывали тусклые блики на расположенные рядами скамьи и озаряли снизу скульптуру Богоматери с нагим младенцем на коленях. В воздухе витал выраженный запах расплавленного воска. Хвойные гирлянды, не убранные еще с празднования Рождества Христова, украшали внутреннее убранство. Со стен за Ливви холодными глазами мрачно следили всевозможные святые.

Идолопоклонство, между прочим, причислялось к страшным грехам.

Ливви шла вдоль стен, разыскивая укромное местечко, куда бы можно было спрятаться. На лице девочки плясали разноцветные отсветы солнечных лучей, лившихся сквозь витраж «Воскресение Христово».

Нужно будет вернуться и подобрать корзину, ведь их всего две на семью. Ко всему прочему, дно второй изгрызли мыши. Сегодня несчастливица не донесла до дома лук, картофель, пучок зелени и сорванные на краю поля одуванчики. Теперь все это, без сомнений, сжевали козы. Ливви Хасселтайн ненавидела Истторп всей душой.

Внимание девочки привлек альков перед южным выходом. Арочный свод и холодный камень полностью его затеняли. Ливви юркнула внутрь и, соскользнув спиной по холодному камню, опустилась на пол. Снаружи перекрикивались мальчишки. Их голоса звучали уже совсем близко. Интересно, что они сделают, если им удастся поймать беглянку? Вероятно, задиры и сами этого не знают.

Южный выход имел форму арки, выложенной прямоугольными камнями. Здание церкви было прочным и древним. Малышка Хасселтайн даже вообразить не могла насколько. Ливви съежилась на громоздкой напольной плите. Судя по виду, за ней запросто могла скрываться узенькая лестничная шахта, уходящая вглубь метров на триста и ведущая к склепу с истлевшими мертвецами. За сотни лет стены церкви повидали бесчисленное количество обрядов венчания и отпевания и выслушали мириады исповедей. Здесь, под пристальными взглядами святых, веками совершались всевозможные таинства.

Голоса мальчишек стихли. Ливви сидела, обняв руками колени и устремив взор в вечерний полумрак алькова. Какое счастье — провести несколько недолгих мгновений в уединении, поскольку дома такой возможности не было. Юной Хасселтайн приходилось ночевать в одном помещении с родителями, хозяйкой дома, которая приходилась матери девочки дальней родственницей, и ее мужем. Хозяйские дети спали внизу, в гостиной. Всего дом вмещал в себя одиннадцать человек — оттого воздух на чердаке всегда стоял густой и влажный.

Глаз Ливви зацепился за причудливый барельеф над выходом — на замковом камне¹. На камне была запечатлена человеческая фигура, но какая-то непонятная. Странная. Девочке показалось, будто барельеф внимательно за ней наблюдает. Этот взгляд сильно отличался от безжизненного взора скульптуры Божьей Матери.

Поднявшись на ноги, Ливви провела кончиками пальцев по каменной кладке. Чтобы разглядеть детали получше, смахнула челку с лица. Замковый камень арки выделялся среди остальных цветом и фактурой. Церковь представляла собой грудку тесаных булыжников всевозможных оттенков серого, а портал, остальные выходы

¹ З а м к о в ы й к а м е н ь — клинообразный или пирамидальный элемент кладки в вершине свода или арки.

и витражные окна обрамлял отполированный камень, напоминавший гранит. Замковый камень южного выхода совершенно не вписывался в единый ансамбль. Среди прочих структурных элементов здания он выглядел белой вороной.

Ливви вгляделась внимательнее в черный известняк диковинной продолговатой формы.

Барельеф выглядел несколько абсурдным, неискусно вырезанным и не слишком соответствующим общему облику церкви. Подобная работа могла скорее принадлежать мастеру-самоучке, а не опытному скульптору. Линии казались несуразными и сумбурными. Любознательная девочка сощурилась, и, когда глаза окончательно привыкли к темноте, замысловатые неровности черного известняка сложились в женскую фигуру.

На запечатленной на камне женщине не было одежды — лишь подобие чепчика, что скрывало волосы и уши. Губы ее изгибались в едва уловимой улыбке, пронзительные глаза широко раскрылись, а брови вопросительно приподнялись. Над выпирающими ребрами повисли груди. Колени фигура развела по сторонам, а положение ее рук будто бы призывало созерцателя взглянуть на самую сокровенную часть тела. Эта нагота была непристойной. Даже бессовестной. Рядом с женщиной была выгравирована надпись. Ливви удалось разобрать латинские: «ELUI».

Хасселтайн улыбнулась и вообразила, будто фигура улыбается ей в ответ.

— Эй! — Чей-то голос выдернул Ливви из мечтательного забвения, и она вздрогнула. — Что это ты там делаешь?

Девочка развернулась и встретилась глазами с молодым викарием, взиравшим на нее с явным неодобрением. Священнослужитель был облачен в черную сутану с тугим воротником, но раннюю залысину оставил непокрытой. В руках он держал охапку ссохшихся и поко-